

Ника Светлова

Детектив в пантеоне богов

Ника Светлова

Детектив в пантеоне богов

«Автор»

2026

Светлова Н.

Детектив в пантеоне богов / Н. Светлова — «Автор», 2026

Марк Бергманн — частный детектив. У него ипотека, бывшая жена, которая всё ещё приносит пирожки, и кот с непроницаемым взглядом. Марк думал, что его карьера ограничится слежкой за неверными мужьями, пока однажды в четыре утра ему не позвонил Арес. Бог войны нанимает смертного, чтобы расследовать убийство в Пантеоне — офисном здании порта, где обитают олимпийцы. С этого начинается путь Марка через тайны, которые боги хранили тысячелетиями.

© Светлова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дело 1. Камень, который солгал первым.	5
Дело 2. Похищенный громовержец	13
Дело 3. Забытый бог	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ника Светлова

Детектив в пантеоне богов

Дело 1. Камень, который солгал первым.

Пролог. Звонок от бога войны

Телефон зазвонил в четверг, в половине четвёртого утра.

Я не спал — разбирал старые счета за коммуналку и думал, как прожить ещё месяц на гонорар от слежки за неверным мужем. Я смотрел на его фотографии вперемешку с квитанциями и пытался понять, где заканчивается идеальная картинка и начинается правда. Кот лежал на подоконнике, свернувшись калачиком, и делал вид, что его не касаются мои финансовые проблемы.

— Марк Бергманн, — ответил я, не глядя на экран.

— Мне нужно, чтобы ты нашёл убийцу, — произнёс голос. Низкий, с металлическим отзвуком, какой бывает у дешёвых автоответчиков. Но это был не автоответчик.

— Кто говорит?

— Арес.

Я положил телефон на стол и досчитал до пяти. Арес. Бог войны. Звонит частному детективу в четвёртом часу утра.

— Вы ошиблись номером, — сказал я. — Это не психотерапевт.

— Ментор мёртв, — перебил Арес. — Убит в библиотеке. Совет Пантеона поручил мне найти виновного. Я нанимаю тебя.

— Почему вы?

— Потому что я бог войны. Война — это не только битвы. Это ещё и преступления. А ещё... — он запнулся, — боги будут врать мне. Но смертному — не обязательно.

— Почему я?

— Потому что ты видишь детали. Пятна. Кровь. То, чего быть не должно.

Я посмотрел на кота. Кот приоткрыл один глаз, оценил обстановку и снова закрыл.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы ты закрыл ипотеку. И купил коту годовой запас сметаны.

Я встал, подошёл к окну. За стеклом моросил дождь, размывая огни порта в мутные желтые кляксы.

— Диктуйте адрес.

Глава 1. Место преступления. Мрамор и пепел

Пантеон оказался не таким, как в учебниках.

Никаких мраморных колонн в чистом поле. Обычное офисное здание в порту, перестроенное из старого табачного склада. Снаружи — облупленная штукатурка и граффити. Внутри — мрамор, золото и запах не табака, а озона с примесью крепкого кофе.

У входа меня встретила нимфа — молодая женщина в строгой серой юбке, с зеленоватым отливом кожи и глазами навывкате. При каждом вздохе из ноздрей вылетали микроскопические искры.

— Каллироя, — представилась она, прижимая к груди папку. — Я секретарь. Арес ждёт вас... на месте преступления. Только не дышите на книги. И не смотрите ему в глаза. Он это неправильно понимает.

Мы поднялись на третий этаж, в восточное крыло — библиотеку. Огромный круглый зал под стеклянным куполом. Стеллажи уходили вверх на три яруса, между ними плавали светящиеся шары.

В центре зала стоял стол. За столом сидела статуя.

Я не сразу понял, что это труп. Фигура из белого мрамора, пронизанного золотыми жилами, застыла в позе глубокой задумчивости: лоб оперт на руку, локоть на столе. Глаза широко открыты, в них — застывшее удивление. Перед фигурой лежала раскрытая книга: «Золотые правила логики».

— Красивый, да? — раздался голос за спиной.

Гермес сидел в кресле у окна, в дорогом костюме, и чистил яблоко золотым ножичком.

— Окаменел, — пояснил он, не дожидаясь вопроса. — Ментор. Бог мудрости. Умер от удара в спину. Кинжал ритуальный, но тело повело себя... странно. Не развоплотилось, а застыло. Как титаны в древности.

Кот, сидевший в рюкзаке, высунул голову, прыгнул на пол и медленно, по-хозяйски, направился к статуе.

Арес стоял у камина в углу. В дорогом костюме, который сидел на нём как латы. Короткая стрижка, тяжёлый подбородок, глаза цвета запёкшейся крови.

— Это он, — сказал Арес, кивая на статую. — Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. Я нанял тебя, потому что мы смотрим на суть, а ты — на детали.

— Я вижу мрамор, — сказал я. — У богов нет мраморных тел.

— Вот именно. — Арес сжал кулак. — Это значит, его убили не по-божески. А по-древнему.

— Или пытались не убить, а остановить, — тихо заметил я, но Арес не услышал.

Я подошёл к столу. Кот уже сидел на столешнице и внимательно смотрел на раскрытую книгу.

На пожелтевшей странице, прямо поверх рукописных заметок Ментора: «Если допустить, что источник бессмертия на самом деле...» темнело крошечное бурое пятно.

— Что это? — спросил я.

Гермес перестал жевать. Подошёл, заглянул через плечо.

— Не может быть, — прошептал он. — Это же... кровь? Настоящая?

— У богов нет крови, — медленно произнёс Арес, и в его голосе впервые послышался не гнев, а ужас.

Кот наклонился, понюхал пятно. Чихнул. И посмотрел на меня долгим, многозначительным взглядом.

Я нагнулся ближе к странице. Бурое пятно. Засохшее. Настоящая кровь. Та, что бывает у смертных и нимф.

— Кто нашёл тело? — спросил я, стараясь сохранять спокойствие.

— Я нашла, — раздался голос от дверей.

Афродита. Она была прекрасна той пугающей красотой, от которой отказывают инстинкты самосохранения. Сегодня она была в строгом траурном платье, чёрном, как остывший уголь, и от неё пахло не цветами, а холодным морем.

— Пришла утром за свитком. А он... вот. Я ничего не трогала. Я вообще ничего не трогаю руками уже тысячу лет.

— В ночь убийства, — спросил я, — вы ничего не видели? Может, свет?

Афродита на мгновение замерла.

— Свет, — повторила она. — Да. Синий. Очень синий свет горел в библиотеке. Я думала, Ментор читает. Хотя он никогда не работал по ночам.

Арес и Гермес переглянулись.

— Синий свет, — прошептал Гермес. — Это цвет Гестии. Только её пламя даёт такой оттенок.

— Холодновато здесь, — заметил я, кивая на камин, в котором огонь едва теплился. — И сквозняк странный. Снизу, из подвала, будто тянет.

Гермес вдруг стал очень деловитым и принялся чистить ножичек.

— Аид присылал запрос, — сказал он, не глядя на меня. — Его пёс почуял сбой. Душа Ментора не поступила по расписанию. Значит, он не совсем мёртв... или мёртв как-то неправильно.

Я записал в блокнот: Кровь. Синий свет. Гестия. Сбой в протоколах смерти.

— Я хочу увидеть Камни, — сказал я.

Гермес поперхнулся яблоком. Арес мрачно кивнул:

— Идём. Покажу тебе подвал. И то, что Ментор прятал ото всех.

Глава 2. Тайна подвала и три подозреваемых

Подвал Пантеона пах сыростью и древностью. В маленькой комнате без окон на стеллажах лежали десятки серых булыжников с бирками.

— Камни Смертных, — пояснил Арес. — Каждый настроен на душу бога или титана. Если бог умирает по-настоящему — не угасает, а именно умирает — камень загорается. Но обычно — своим цветом. У каждого он свой.

— Ментор хранил их здесь, — добавил Гермес. — Говорил, что правда хранится внизу, а ложь — наверху.

Я подошёл к отдельному стеллажу. Там лежал один единственный камень. Он светился. Тусклым, болезненным, синим светом.

На серой поверхности проступило имя: МЕНТОР.

— Загорелся только сегодня, — прошептал Гермес. — Сутки спустя после смерти. И горит синим. У Ментора цвет был золотой, как у всех олимпийцев.

— Синий — это цвет Гестии, — сказал я. — Значит, в момент своей истинной смерти он был связан с ней? Или она пыталась его удержать, и растянула агонию на сутки?

Арес и Гермес переглянулись, но промолчали.

Кот подошёл к стеллажу, потёрся о светящийся камень и громко мяукнул. Потом повернулся и пошёл в дальний угол, где на самой нижней полке, в пыли, лежал ещё один камень. Он был тёмный.

Я поднёс фонарик. Имя: «Эпиметей».

— Брат Прометея, — прошептал я. — Глупый бог. Давно мёртв. Почему его камень здесь?

Гермес и Арес переглянулись снова. На этот раз в их взглядах был страх.

Выйдя из подвала, я допросил всех троих официально.

Первым был Гермес. Алиби: перевозка душ (гибкое). Мотив: Ментор знал о его махинациях с бюджетом на новый храм Ареса. Гермес признался, что был в Пантеоне ночью и ссорился с Аресом из-за денег. Но в глазах его была не злоба, а тоска. И ещё — когда я упомянул кровь на книге, он слишком быстро сказал: «Это не могла быть я». Я не спрашивал про него.

Второй была Афродита. Алиби: очередной любовник (имён не помнит). Мотив: Ментор презирал её образ жизни, называл «духовной пустотой». Но она видела синий свет. И заметила

главное: «Ментор не любил работать по ночам. Он говорил, что ночью мысли путаются». И добавила, глядя на дверь: «Каллироя сегодня какая-то бледная. Даже зеленее обычного». Я записал.

Третьей была Гестия. Я нашёл её сидящей у камина в библиотеке. Она единственная не уходила с места преступления. Огонь горел ровным, но совершенно холодным синим пламенем.

— Ты знаешь, кто убил, — сказал я ей прямо.

— Знаю, — ответила она. — Как знаю и то, что Камень солгал. Он засветился через сутки, потому что Ментор в момент удара вцепился в источник моего очага. Он любил жизнь и пытался использовать древнюю магию, чтобы не уйти. Поэтому его истинная смерть растянулась на сутки. Поэтому камень горит моим светом, а не его.

— Почему ты не спасла его до конца?

— Потому что он сам выбрал смерть, — Гестия вздохнула. — В последний миг он отпустил огонь. Он понял, что правда, которую он узнал, убьёт того, кого он любит. И он ушёл, чтобы защитить её.

— Кого? Кого он любил?

Гестия промолчала. Только огонь в камине взметнулся выше и стал на секунду ослепительно синим.

А потом я заметил то, что пропустил в первый раз. На полу, у ног Гестии, — маленькая лужица. Вода? Нет. Что-то более вязкое. Я наклонился, провёл пальцем. Такое бывает, когда нимфа плачет. Зелёные слёзы, которые не высыхают, а впитываются в мрамор.

Я поднял голову и посмотрел на дверь, куда перед этим ушла Каллироя.

Гестия перехватила мой взгляд.

— Не торопись, — сказала она тихо. — Сначала узнай всё. А потом уже решай, обвинять или жалеть. И помни, что оружие, которым был нанесён удар, создавалось не для убийства. Это важно.

Глава 3. Архив. Истина и кинжал

Я нашёл Каллирою в архиве, на первом этаже. Она сидела за столом, заваленным бумагами, и делала вид, что работает. Но пальцы дрожали, а искры из ноздрей вылетали с такой частотой, будто она собиралась чихнуть пожаром.

И ещё — на её правой ладони я заметил свежий порез. Тонкий, аккуратный, как от лезвия. Она машинально сжимала и разжимала пальцы, и из ранки сочилась сукровица.

— Каллироя, — я сел напротив. — Ты знала Ментора сто двенадцать лет.

— Да, — ответила она шёпотом. — Он был добрым. Для бога это редкость.

— Ты любила его?

Она подняла глаза. В них стояли зелёные слёзы.

— Больше жизни. — Её голос дрогнул. — И поэтому ты должен уйти, Марк. Сейчас. Забудь это дело.

— Не могу. Мне заплатили тройной тариф.

В этот момент я заметил, что её рука скользнула под стопку бумаг. Кот, сидевший в рюкзаке, внезапно зашипел и выпрыгнул наружу, выгнув спину.

— Руку, — сказал я тихо. — Покажи левую.

— Зачем?

— Покажи.

Она медленно, неохотно протянула левую руку. На указательном пальце — засохшая бурая корка. Такая же, как на странице книги Ментора.

— Ты вытирала кинжал, — сказал я. — Порезалась. Кровь нимфы — настоящая, бурая, в отличие от божественной золотой пыли. Ты оставила пятно на книге, когда переворачивала страницу. И порез на правой ладони — когда вытирала лезвие второпях.

Каллироя побледнела ещё сильнее. Зелень в её коже стала почти чёрной.

— Ты не хотела его убивать, — продолжал я. — Ты хотела его остановить. Ты ударила его в спину Кинжалом Паралича — это же он? Древний артефакт. Он должен был просто сковать его на пару дней, окаменить на время, дать тебе время убедить Совет. Всё верно?

— Ты не понимаешь, — прошептала она. — Он уже пытался. Сто лет назад. Рассказать Совету о том, что бессмертие — иллюзия. Они едва не казнили его тогда. Зевс сказал: «Ещё одно слово — и ты исчезнешь». Ментор замолчал. На сто лет. А потом снова начал. Я не могла допустить, чтобы его убили. Я думала — если я остановлю его сейчас, он остынет. И они не тронут его. А получилось...

Она закрыла лицо руками. Искры из ноздрей посыпались градом.

— Он сам меня научил, — сквозь рыдания выговорила Каллироя. — Он показал мне тайну подвала. Он верил, что боги должны знать правду о своей смертности. Я умоляла его не делать этого. Говорила: «Ты разрушишь мир богов. Тебя убьют, как пытались сто лет назад. Люди перестанут нам поклоняться. Начнётся хаос».

— И ты ударила его в спину Кинжалом Паралича.

— Я лишь хотела остановить. — Она подняла заплаканные глаза. — Кинжал должен был просто сковать его, окаменить на пару дней, остудить... Я думала, что успею убедить Совет отложить слушание. Что Зевс остынет. Что Ментор одумается. Я не хотела... я никогда не хотела...

Кот медленно, шаг за шагом, приближался к Каллирое. Она смотрела на него с ужасом, будто видела не домашнего питомца, а призрак.

— Убери его, Марк, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Не могу. Он сам по себе.

Кот прыгнул. Не на Каллирию — на стол. Он встал между нами, закрывая меня собой, и уставился на нимфу своими жёлтыми глазами. Каллироя замерла. А потом медленно опустила голову на стол и разрыдалась в голос.

В этот момент дверь архива распахнулась, и вошли Арес, Гермес и Аид. Бог мёртвых был в тёмном пальто, и от него пахло холодом и кипарисом.

— Я слышал достаточно, — сказал Аид. — Камень Ментора горит синим, потому что он цеплялся за очаг Гестии. Он не хотел умирать и оставлять тебя, Каллироя. Поэтому твоя жалкая железка сработала как смертельное оружие — его собственная воля к жизни через очаг Гестии замкнула древнее заклинание в ловушку, из которой был только один выход.

Каллироя подняла заплаканное лицо.

— Что со мной будет?

— Я забираю тебя в Тартар, — ответил Аид. — На уровень «Память». Будешь вечно перебирать архив душ. В тишине. Это лучшее наказание для той, кто убил из любви. И лучшее спасение от гнева Ареса.

Арес сжал кулаки, но промолчал. Гермес лишь вздохнул и отвернулся.

Я подошёл к столу, взял из-под бумаг кинжал. Второй, парный тому, что оставили в спине Ментора. Лезвие было в засохшей бурой корке.

— Это не его кровь, — сказал я. — Как я и думал. Каллироя оставила свою подпись. И на книге, и на кинжале.

Аид кивнул.

— Ты хорошо поработал, смертный. Деньги получишь завтра.

Он взял Каллирию за руку и повёл к выходу. У двери нимфа обернулась, посмотрела на кота.

— Передай Ментору... — начала она и запнулась.

Кот спрыгнул со стола и подошёл к ней. Мягко боднул её ногу, позволяя погладить себя на прощание. В его горле зарокотал тихий, успокаивающий мурлык.

— Он же просто кот... — прошептала она, но в её глазах мелькнула надежда.

Она вышла.

Я стоял в пустом архиве. Кот сидел на столе и умывался. Тишина давила.

— Ты всё знал с самого начала, да? — спросил я его в пустоту.

Кот на секунду замер, поднял голову и посмотрел на меня долгим, ничего не выражающим взглядом. Затем вернулся к умыванию.

В этот момент в комнату скользнула Гестия. От её пламени не было жара, но исходило ровное, успокаивающее сияние.

— За него говорят его глаза, Марк, — мягко сказала богиня. — Ты разгадал почти всё. Кроме одного: почему камень засветился именно сегодня?

— Он же умер сутки назад. Так решил Аид.

— Верно. Но время в Пантеоне и время в мире идут по-разному, когда речь заходит о таких артефактах. Сутки здесь могут быть мгновением там. Тот, кто управляет этими потоками, знает правду. Хронос. И если ты хочешь понять, что на самом деле случилось с душой Ментора, тебе придётся найти его. Это не конец истории, детектив.

Она вышла, оставив после себя лишь запах потушенных свечей и невесомую синеватую дымку.

Я посмотрел на кота. Кот посмотрел на меня. Потом лёг на место, где только что лежал кинжал, и уснул.

Это означало только одно. Впереди было новое дело.

Эпилог. Долги закрыты. Правда спрятана

У выхода из Пантеона меня ждал Арес.

— Ты знал, — сказал я.

— Знал, что заговор существует. Не знал, что она ударит. — Он сжал кулаки. — Если бы я сам её обвинил — началась бы война. Боги любят нимфу, которая сто лет служила Ментору. Они не поверили бы мне. Начали бы выяснять, кто прав, кто виноват. А ты — смертный. Ты нейтрален. Правда из твоих уст — просто правда. Не объявление войны.

— Поэтому ты нанял меня.

— Поэтому. — Он посмотрел на меня. — Ты хорошо поработал, Бергманн. Деньги завтра.

Он ушёл.

Через неделю я сидел на скамейке в порту. Кот грелся на солнце. В кармане лежал чек от Ареса — сумма, достаточная, чтобы закрыть ипотеку и купить годовой запас сметаны.

Подошла Лена. Моя бывшая жена. В руках — бумажный пакет из её булочной. Мы развелись три года назад, но она по-прежнему знала мой график лучше меня и иногда появлялась вот так — без предупреждения, без цели, просто чтобы проверить, жив ли я.

— Держи, — сказала она, протягивая пирожки с капустой и два стаканчика кофе. — Выглядишь так, будто неделю спал в пальто.

— Потому что так и было.

Она села рядом, но не слишком близко — ровно на том расстоянии, которое сохраняют люди, когда-то знавшие друг друга до последней родинки, а теперь осторожно нащупывающие новые границы.

— Опять расследовал что-то... нечеловеческое? — спросила она, глядя не на меня, а на чашек над пирсом.

— Да. Но дело закрыто.

— И как, полегчало?

Я не ответил. Мы оба знали, что «полегчало» — это не про мою работу.

— А кот твой чего такой важный? — она кивнула на моего напарника, развалившегося на солнце.

— Он сегодня спас мне жизнь.

Лена усмехнулась. Той самой усмешкой, из-за которой я когда-то на ней женился.

— Значит, не всё ещё потеряно, Марк. Раз ты кому-то нужен.

Она допила кофе, скомкала стаканчик и встала.

— Заходи как-нибудь. Не за пирожками. Просто так.

Я кивнул. Она ушла. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом табачного склада. Кот приоткрыл один глаз, посмотрел на меня и снова зажмурился. Никакого сочувствия. Только констатация факта.

P.S. Первая открытка

Через месяц я пришёл в Тартар. Аид пропустил меня без вопросов — только кивнул на лестницу, ведущую вниз.

Каллироя сидела в маленькой комнате, заваленной свитками. Уровень «Память» оказался не темницей — скорее, бесконечным архивом. Стопки бумаг уходили под потолок, пахло старыми чернилами и озоном. Нимфа перебирала документы — аккуратно, методично, как учил её Ментор.

— Пришёл проверить, как я? — спросила она, не оборачиваясь.

— Пришёл спросить.

Она повернулась. Лицо её было спокойным — не счастливым, но и не сломленным.

— Спрашивай.

— Ты жалеешь?

Каллироя долго молчала, глядя на свиток в руках. Потом покачала головой.

— Нет. Я убила его. Это правда, с которой я буду жить вечно. Но я любила его. И он знал. В последний миг — знал.

— Откуда ты знаешь?

Она достала из стопки тонкую тетрадь в потёртом переплёте. Я узнал почерк Ментора — тот самый, с пожелтевшей страницы в библиотеке.

— Аид оставил мне его заметки. Сказал, что Ментор распорядился передать их тому, кто будет их читать. Я читаю каждый день. — Она открыла тетрадь на заложенной странице. — Вот, слушай: «Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Не вини себя. Я знал, на что шёл. И знал, что ты попытаешься меня остановить. Это и есть любовь — пытаться остановить того, кто идёт к гибели. Даже если не получается».

Она закрыла тетрадь и прижала к груди. Глаза её блеснули, но слёзы не падали — она научилась держать их внутри.

— Я не жалею. Я помню его. Каждый день. И этого достаточно.

Кот, сидевший у моих ног, подошёл к Каллирое и мягко боднул её колено. Она погладила его — впервые без страха.

— Спасибо, — сказала она. — Что пришёл. И что не солгал тогда.

Я кивнул и вышел. У лестницы меня ждал Аид.

— Ты знал про тетрадь? — спросил я.

— Знал. — Он усмехнулся. — Я бог мёртвых. Я всегда знаю, что оставляют покойники тем, кто остался.

P.P.S. Через месяц Аид прислал открытку. На лицевой стороне — Цербер, все три головы спят. На обороте:

«Каллироя передаёт привет. Она перебирает архивы и говорит, что это успокаивает. Камень Ментора погас. Но в подвале зажёгся ещё один камень. Маленький. Имени пока нет. Кажется, в Пантеоне появился кто-то новый. Или проснулся кто-то старый. Приезжай, когда кот отъестся».

Я посмотрел на кота. Кот посмотрел на меня. Потом лёг на открытку и уснул.

Это означало только одно. Впереди было новое дело.

Конец первого дела.

Дело 2. Похищенный громовержец

Пролог. Гром среди ясного неба

Телефон зазвонил в два часа ночи.

Я не спал. Разбирал старые записи по делу Ментора. Год прошёл, а вопросы остались.

Телефон завибрировал снова.

— Марк Бергманн, — ответил я, не глядя на экран.

— Марк. — Голос женский, низкий, с металлическими нотками. Так говорят привыкшие к беспрекословному подчинению. Но сегодня в этом голосе что-то сломалось. — Говорит Гера.

Я сел на кровати. Кот, спавший на подоконнике, приоткрыл один глаз и демонстративно отвернулся к стене.

— Что случилось?

— Зевс пропал. Не отвечает на вызовы. Не является на утренний обход. Молнии на месте, трон на месте. Его нет уже трое суток.

— Трое суток? — я потёр лицо. — И вы только сейчас звоните?

— Я думала, он вернётся. — В её голосе прорезалось что-то человеческое. Не тревога даже — боль. — Он всегда возвращался. После ссор, после измен, после того, как я швыряла в него вазой. После всего. Всегда. А сейчас — тишина. Такая тишина, Марк, что я слышу, как трескается мрамор в тронном зале от моего одиночества.

Я встал, прошёл на кухню. Кот последовал за мной — знал, что если хозяин поднялся в два ночи, скоро откроется холодильник.

— Где вы его искали?

— Везде. Гермес обыскал Пантеон. Аполлон облетел небо. Посейдон проверил все моря. Аид — она запнулась, и я услышал, как на том конце провода богиня, повелевающая мирами, судорожно вздохнула, — Аид сказал, что Зевса нет ни среди живых, ни среди мёртвых.

Я замер с чайником в руке.

— «Ни среди мёртвых» — это как?

— Это значит, Марк, что его душа не переходила в Аид. Он не умер. Но и не жив. Или жив, но спрятан так, что даже бог смерти не может найти. Или или он не хочет, чтобы его нашли.

— Приезжайте, — сказала Гера. Голос дрогнул. — Пожалуйста. Оплата — любая. Я просто хочу знать, жив ли он. И если жив — почему ушёл. Что я сделала не так. Три тысячи лет я была его женой. И так и не поняла, кто он.

Она отключилась.

Я поставил чайник, зажёл конфорку и достал из холодильника сметану. Кот одобритительно муркнул.

— Знаю, — сказал я, накладывая ему полную миску. — Мы влезает в чужую игру. В чужую боль.

Кот посмотрел на меня долгим взглядом, потом уткнулся носом в миску.

Глава 1. Пустой трон

В Пантеоне меня встретила Каллироя.

За год она почти не изменилась — та же строгая серая юбка, те же глаза навывкате, те же искры из ноздрей при волнении. Только зелени в коже прибавилось — от стресса. И ещё что-то появилось во взгляде. Мудрость? Усталость? Год в Тартаре, на уровне «Память», перебирая архивы душ, не прошёл бесследно.

— Марк! — выдохнула она, едва я вышел из портала. — Ты пришёл.

— Меня вызвали. Гера сказала, Зевс пропал.

Каллироя оглянулась, придвинулась ближе и зашептала, обдавая запахом озона и мяты:

— Здесь всё странно. Боги не разговаривают друг с другом. Арес заперся в покоях. Говорят, плакал. Арес! Представляешь? Афина не выходит из библиотеки — ищет прецеденты в древних текстах. Афродита рыдает, не красится, не принимает визитёров. А Гермес — она понизила голос, — Гермес слишком часто улыбается. Но я знаю эту улыбку. Так улыбаются, когда внутри всё умерло.

Мы пошли к тронному залу. Коридоры Пантеона были пусты — ни нимф, ни полубогов, ни обычной божественной суеты. Только эхо шагов и далёкий гул, будто само здание стонало от напряжения.

— Гера ждёт, — сказала Каллироя, останавливаясь у высоких бронзовых дверей. — Будь осторожен. И будь добр к ней, Марк. Она никогда никого не просила. А тебя попросила. Это много значит.

— Когда это боги были в себе? — усмехнулся я, но усмешка вышла грустной.

Я толкнул дверь.

Тронный зал был синим — глубокий, царственный цвет, в этот раз траурный. Гера сидела на троне, выпрямившись, но пальцы сжимали подлокотники с такой силой, что мрамор пошёл трещинами. Под глазами — тени. Не косметика. Настоящие тени, какие бывают у женщин, не спавших несколько ночей.

— Смертный, — сказала она ровно, слишком ровно. — Ты пришёл быстрее, чем я ожидала.

— Я не спал. Рассказывайте всё. С самого начала. И не пропускайте детали. Особенно те, которые вам больно вспоминать.

Гера посмотрела на меня. В её глазах что-то дрогнуло. Она кивнула.

Глава 2. Три подозреваемых

— Совет был три дня назад, — начала Гера. — Присутствовали все: Посейдон, Аид, Афина, Аполлон, Артемида, Арес, Афродита, Гермес. Даже Гестия выползла из своего угла.

Я достал блокнот.

— Повестка — раздел власти. Посейдон требовал равного голоса. Говорил, что Зевс слишком стар и слишком слаб. Что времена единоличного правления прошли. Знаешь, что он сказал? «Брат, ты отстал от времени. Твои молнии больше никого не пугают. Люди сами научились делать молнии. Из розеток».

— И Зевс?

— Отказал. Спокойно, даже вежливо. Сказал: «Мы семья. В семье не делят власть. В семье договариваются». А потом Арес встал и сказал: «Ты не семья. Ты тюремщик. Ты запер нас в этом Пантеоне и боишься, что мы станем сильнее тебя. Как боялся нас с пелёнок. Как проглотил нас когда-то, чтобы мы не выросли и не свергли тебя. Ты всегда боялся, отец. Всегда».

— И Зевс?

— Молчал. Смотрел на Ареса. Долго. Так долго, что Арес отвёл взгляд первым. Представляешь? Арес — отвёл взгляд. Потом Зевс перевёл взгляд на Посейдона. На Афины. И сказал: «Вы все правы. Я устал. Я старый дурак, который правит миром, в котором больше не нужен. Но я не уйду. Потому что некому меня заменить. Вы — мои дети, мои братья, мои сёстры. И вы все не готовы». А потом встал и ушёл. И больше его никто не видел.

— Кто уходил последним?

— Аид. Он всегда уходит последним. Ему некуда спешить. Он стоит и смотрит, как мы расходимся. Как будто запоминает. Как будто знает, что когда-нибудь мы уйдём навсегда, и он останется один.

— Вы спросили его?

— Он сказал, что Зевс вышел сам. Они поговорили в коридоре. Зевс был спокоен. Слишком спокоен. Так спокойны только те, кто уже всё решил. А потом шагнул в портал и исчез. — Гера подняла на меня глаза, и в них стояли слёзы. Настоящие. Не божественные. Человеческие. — Я ему не поверила. Аид никогда не говорит всей правды. Это его работа — хранить тайны. Даже от меня.

— Назовите троих, кто мог желать Зевсу зла больше всего.

Гера задумалась.

— Посейдон. Он требовал власти. И получил бы её, исчезни Зевс. Но он не убийца. Он просто обиженный младший брат. Знаешь, каково это — быть вторым три тысячи лет? Каждое утро просыпаться и знать: ты бог морей, но даже море принадлежит не тебе, а ему. Потому что он — царь.

— Арес. Он ненавидит отца. За то, что Зевс прятал его от войн. Держал в золотой клетке. Но знаешь, что самое страшное? Он ненавидит его, потому что любит. И Зевс никогда этого не видел. Или не хотел видеть.

— И третий?

Гера помолчала долго. Очень долго. Потом сказала — тихо, почти шёпотом:

— Я сама.

Я поднял бровь.

— Я угрожала ему разводом за три дня до совета. Сказала, что если он не изменится, я уйду и заберу с собой половину богов. Знаешь, что он ответил? Рассмеялся мне в лицо. Сказал: «Ты без меня никто». — Её голос дрогнул, сломался. — Три тысячи лет, Марк. Я была его женой. Рожала ему детей. Терпела измены, ложь, пренебрежение. Я строила этот Пантеон вместе с ним. Я была его опорой, когда он падал. А он сказал, что я никто. — Она замолчала, глядя в пустоту. — И теперь его нет. И я не знаю, проклинать мне себя за то, что довела его, или радоваться, что он наконец исчез. И от этого незнания мне больнее всего.

Я закрыл блокнот.

— С кем мне поговорить первым?

— С Аидом. Он знает больше, чем говорит. И он единственный, кто не врёт мне в глаза. Просто не договаривает.

— Будьте осторожны с ним, — добавила она, когда я уже шёл к выходу. — Бог мёртвых — самый опасный из нас. Потому что ему нечего терять. Но он же — самый одинокий. Помни об этом, Марк. Одиночество меняет богов сильнее, чем время.

Глава 3. Исповедь бога смерти

Аид принял меня в своём сером чертоге. Он выглядел уставшим — даже больше обычного. Под глазами залегли синие круги, пальцы дрожали. На столе — пустая чашка из-под кофе и стопка бумаг с грифом «Секретно. Души умерших». Рядом — фотография в серебряной рамке. Женщина с волосами цвета пшеницы. Персефона.

— Зевс, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Я не знаю, где он. Я последний, кто с ним говорил.

— О чём?

— О жизни. О том, что мы слишком долго правим. Что дети нас ненавидят. Что смертные научились обходиться без нас. И ещё — Аид замолчал, глядя на фотографию. — Он спросил меня, счастлив ли я. Я, Марк. Бог мёртвых. Которого все боятся, которого все избегают. Он спросил, счастлив ли я. И я не смог ответить.

— И что он ответил?

— Сказал: «Я знаю. Но уйти не могу. Не потому что боюсь. Потому что некуда». А потом посмотрел на меня — так, как смотрел только раз, когда мы делили мир после войны с титанами. И сказал: «А ты, брат? Тебе есть куда уйти?» Я ответил: «Нет». Он кивнул, шагнул в портал и исчез.

— Вы не спросили, куда?

— Я бог мёртвых. Я не задаю лишних вопросов. Я принимаю то, что есть. Потому что если я начну задавать вопросы, я сойду с ума от ответов.

— И вы не пытались его найти?

— Пытался. — Аид встал, подошёл к стене, нажал на незаметный камень. Стена раздвинулась, открыв комнату с мониторами — десятками экранов, где мелькали тени, лица, обрывки событий. — Это система слежения за порталами. Зевс открыл портал в 22:15. В 22:16 он закрылся. Точка назначения — неизвестна.

— Как неизвестна?

— Кто-то подменил код. — Аид повернулся ко мне, глаза сузились. — Это не Зевс. Он не умеет прятать следы. Он всегда шёл напролом. Кто-то помог ему исчезнуть. Или заставил.

— Кто мог подменить код?

Аид помолчал.

— Трое. Гермес. Он единственный, кто разбирается в порталах лучше меня. Посейдон. У него есть доступ к древним технологиям — тем, что были до богов. И — он запнулся.

— И?

— Гестия. Она может всё. Просто не хочет. Или хочет, но молчит. Она всегда молчит.

Я записал.

— Вы скучаете по нему?

Аид посмотрел на меня. В его глазах впервые за всё время мелькнуло что-то живое.

— Я бог мёртвых. Я не умею скучать. Я умею только помнить. И я помню его. Каждый день. Каждую минуту. Потому что он — единственный, кто не боялся сидеть со мной за одним столом. Единственный, кто называл меня братом, а не «повелителем преисподней». Единственный, кто спрашивал, счастлив ли я. И я не успел ему ответить. Три тысячи лет у меня было, чтобы ответить. И я не успел.

Кот, сидевший в рюкзаке, высунул голову. Посмотрел на Аида. Потом спрыгнул на пол, подошёл к богу смерти и потёрся о его ногу.

Аид замер. Медленно, неуверенно наклонился и погладил кота по голове. Рука дрожала.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Этого мне тоже никто никогда не делал.

Глава 4. Тайна Посейдона

Бог морей встретил меня в коралловом дворце. Он сидел на троне из ракушек, но русалок вокруг не было. Только пустой зал и эхо волн.

— Зевс? — переспросил он. — Пропал? И что с того? Он всегда пропадает. То в образе быка, то в образе лебедя. Ты бы знал, сколько у него бастардов по всей Греции.

Но голос его был пустым. И глаза — красные. То ли от морской соли, то ли от чего-то ещё.

— В этот раз — серьёзно. Гера в панике. Аид не может его найти. Даже портал не показывает, куда он делся.

Посейдон долго молчал, глядя на свои руки.

— Слушай, смертный. Я не крал брата. Я требовал равных прав. Это разные вещи.

— У вас есть алиби?

— Сто пятьдесят русалок. Спроси любую. После совета я вернулся во дворец и не выходил до утра. Сидел и смотрел на море. И думал.

— О чём?

— О том, что я сказал ему. Что он отстал от времени. Что его молнии больше никого не пугают. — Посейдон сжал кулаки. — Я хотел его задеть. Хотел, чтобы ему было больно. Потому что мне было больно. Всю жизнь. Быть вторым. И я не подумал, что он может уйти. Совсем уйти. Я думал, он вечен. Мы все так думали.

— И никто не входил?

— Входил Гермес. Сказал, что забыл у меня свиток. Прошёлся по залу, остановился у окна. Долго смотрел на море. Потом сказал: «Знаешь, Посейдон, иногда мне кажется, что мы все — просто тени. Тени того, кем могли бы быть, если бы не боялись». И ушёл.

— Во сколько?

— Около одиннадцати. Я уже спать ложился. Вернее, пытался. Но не спалось. Всё думал о его словах. О тенях.

Я записал: «Гермес — во дворце Посейдона в 23:00. Говорил о тенях».

— Вы скучаете по нему?

Посейдон отвернулся к окну, за которым плескалось бескрайнее море.

— Я бог морей, смертный. Море не скучает. Море просто ждёт. И я жду. Когда он вернётся. Или когда я пойму, что он не вернётся никогда. И тогда, наверное, я затоплю все берега. Потому что без него даже море теряет смысл.

Кот фыркнул. Но в его фыркание мне слышалось не «врёт», а «больно».

Глава 5. Клетка бога войны

Арес не принял меня — я нашёл его сам.

Он стоял в восточном крыле, в зале для тренировок. Без оружия. Просто бил кулаками в стену. Раз за разом. Мрамор крошился под костяшками, золотая пыль оседала на его плечах, на дорогом костюме, который он так и не снял со дня Совета. На сгибах рукавов засохла кровь. Человеческая? Божественная? Он, кажется, сам не знал.

Кот, сидевший в рюкзаке, напрягся. Я остановился в дверях, не решаясь войти.

— Стой, где стоишь, смертный, — прорычал Арес, не оборачиваясь. Голос его был сорван, будто он кричал несколько суток подряд. — Или хочешь, чтобы я тебя ударил?

— Не особо.

— Тогда молчи.

Я молчал. Он ударил ещё раз. Потом ещё. Потом замер, упёрся лбом в разрушенную стену и закрыл глаза.

— Зачем ты здесь? — спросил он тише.

— Гера попросила найти Зевса.

— Гера — он выдохнул это имя как проклятие. — Она верит, что его украли. Что кто-то из нас — убийца. Она всегда верит в худшее. Это у нас семейное.

— А вы? Вы верите?

Арес развернулся. Я впервые увидел его лицо близко. Глаза — красные, не от ярости, а от чего-то, что он сам не умел называть. Подбородок дрожал. Бог войны плакал — не скрываясь, не вытирая слёз. Они текли по его щекам, смешиваясь с золотой пылью, и падали на пол тяжёлыми, как ртуть, каплями.

— Я сказал ему в лицо, что он тюремщик, — произнёс он медленно. — При всём Совете. При матери. Я сказал, что он боится нас. Что он проглотил нас когда-то, потому что трус. И знаешь, что он сделал?

— Что?

— Ничего. Он просто посмотрел на меня. И отвёл взгляд. Я бог войны, Марк. Я готовился к битве. К молниям. К его гневу. К чему угодно. А он просто отвёл взгляд. Как будто я прав. Как будто я говорил правду три тысячи лет, а он только сейчас её услышал. И его взгляд был не гневным. Он был пустым. Таким пустым, что я не смог уснуть. Третьи сутки. Я закрываю глаза и вижу этот взгляд. И я понимаю, что убил его. Не ножом — словами.

Я молчал. Арес сжал кулаки, и мраморная крошка посыпалась с его пальцев.

— Вы скучаете по нему? — спросил я тихо.

Он посмотрел на меня так, что на мгновение мне показалось — сейчас ударит. Но вместо этого Арес расхохотался. Страшным, рваным смехом, от которого у кота в рюкзаке шерсть встала дыбом.

— Скучаю?! — выкрикнул он. — Я бог войны, смертный! Я не умею скучать! Я умею только ненавидеть! Я ненавидел его три тысячи лет! Каждое утро. Каждый вечер. Каждый раз, когда он запирает меня в этом Пантеоне. Я ненавидел его так сильно, что забыл всё остальное. И только теперь, когда его нет, я понял: я ненавидел его, потому что он был единственным, кто мог меня остановить. Единственным, кто был сильнее. И теперь его нет. И мне некого ненавидеть. И без него я — просто злость, у которой нет цели. Просто война, у которой нет конца. Просто пустота.

Он замолчал. Плечи его опустились, впервые за всё время. Он вдруг стал меньше ростом — или это свет так упал.

— Третьи сутки, Марк. Каждую ночь я надеюсь, что он вернётся. Что он распахнёт двери и скажет: «Сын, ты опять сломал стену». И я отвечу: «Почини, ты же бог». И он засмеётся и починит. И я снова смогу его ненавидеть. Но он не возвращается. И стена не чинится. И я стою здесь, как дурак, и бью кулаками в мрамор, потому что не знаю, куда ещё деть эту ненависть. Потому что на самом деле это не ненависть. Это любовь. Дурацкая, бесполезная, ненужная любовь сына к отцу, который никогда этого не замечал. Или замечал, но молчал. Потому что сам не умел любить вслух. Как и я.

Он отвернулся. Я смотрел на его сгорбленную спину — спину воина, который проиграл не битву, а что-то гораздо более важное.

— Если найдёте его, — спросил он глухо, не оборачиваясь, — скажете ему одну вещь?

— Какую?

— Скажите: «Твой сын сломал стену. И не знает, как починить». Он поймёт.

Кот прыгнул с рюкзака. Медленно, бесшумно подошёл к Аресу и сел у его ног. Не тёрся, не мурчал. Просто сел и закрыл глаза.

Арес посмотрел вниз. На кота. На простое рыжее существо, которому не было дела до божественных драм.

— Он всегда такой? — спросил Арес.

— Всегда.

— Повезло тебе, смертный. У тебя есть кот. А у меня — только стена.

Я развернулся и пошёл к выходу. За спиной снова раздались удары. Но теперь они звучали тише. Или мне показалось.

В коридоре меня ждала Каллироя. Она слышала всё.

— Ты записал? — спросила она шёпотом.

— Нет.

— Почему?

— Потому что некоторые исповеди не для блокнота. Они для того, чтобы их помнили только двое. Или трое, если считать кота.

Кот фыркнул. На этот раз в его фыркание мне послышалось «правильно».

Глава 6. Исповедь Гермеса

Гермеса я нашёл там, где не ожидал — в библиотеке, на том самом месте, где год назад сидел окаменевший Ментор. Бог воров сидел за столом, глядя на пустую страницу раскрытой книги. Яблока в руках не было. Ножичка тоже.

— Привет, смертный, — сказал он, не оборачиваясь. — Садись. Я ждал тебя.

— Знал, что приду?

— Я всегда знаю, кто и куда идёт. Это моя работа. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Хотя в последнее время я сомневаюсь, что знаю хоть что-то.

— Где ты был в ночь исчезновения Зевса?

— Везде. — Гермес пожал плечами. — У Посейдона. У Аида. У Гестии. Я бегал по Пантеону как загнанный зверь, потому что знал: что-то случится. Знал и не мог остановить.

— Ты подменил код портала?

— Нет. — Он посмотрел мне в глаза. Впервые за всё время — прямо, без улыбки. — Я видел, кто подменил. Но не скажу.

— Почему?

— Потому что правда убьёт Геру. А она заслуживает покоя. Не правды.

— Ты уже второй, кто так говорит.

— Гестия мудрая. Я — нет. Я просто люблю их всех. Зевса, Геру, Аида, даже Ареса. Я — бог воров, Марк. Я ворую души, тайны, жизни. Но у них я украл только одно — право знать правду. Потому что иногда правда — это не освобождение. Это приговор.

— Кто подменил код?

Гермес долго молчал. Потом прошептал:

— Зевс сам. Своими руками. Он пришёл ко мне за неделю до совета. Сказал: «Научи меня, как исчезнуть так, чтобы никто не нашёл. Даже Аид». Я научил. Я думал, это игра. Очередная его выходка. Спрячется на пару дней, пугает Геру, вернётся. Но когда он шагнул в портал, я понял: он не вернётся. Никогда. И я ничего не сделал. Я стоял и смотрел, как мой отец уходит в никуда. И улыбался. Потому что не умею плакать.

Гермес отвернулся. Плечи вздрагивали.

Кот подошёл к нему, запрыгнул на стол и лёг прямо на раскрытую книгу. Гермес посмотрел на него, потом медленно, неуверенно погладил.

— Спасибо, — прошептал он. — Ты единственный, кто не задаёт вопросов.

Глава 7. Гестия знает больше

К Гестии я пошёл последней — богиня очага никогда не говорит прямо, и к ней нужно приходить с терпением и чаем.

Она сидела у камина. Огонь горел синим — но не тревожным, как в прошлый раз. Тихим, ровным, почти колыбельным. Рядом на столике стояли две чашки. Чай был горячий.

— Ты пришёл, — сказала она, не оборачиваясь. — Садись. Чай стынет.

— Вы знали, что я приду?

— Я знала, что ты придёшь, ещё когда Зевс делал первый шаг к portalу. Я многое знаю, Марк. Это моё проклятие.

Я сел напротив. Кот устроился у моих ног, свернулся клубочком и закрыл глаза.

— Зевс ушёл сам, — сказала Гестия. — Не украли, не спрятали, не убили. Ушёл. Потому что устал.

— Почему он не сказал Гере?

— Потому что Гера не умеет слушать. Она умеет только требовать. Он пытался. Много раз. Тысячи лет. Но каждый раз она переводила разговор на свои обиды. Знаешь, что он сказал мне в последнюю ночь? «Сестра, я устал быть богом. Я хочу просто быть. Дышать. Смотреть на море. Пить плохой кофе из пластикового стаканчика. Я завидую смертным. У них есть конец. А у меня — только бесконечность, в которой я никому не нужен».

Огонь в камине вздрогнул.

— И вы не сказали Гере?

— А что бы это изменило? Гера заперла бы его в тронном зале. Арес потребовал бы казни. Посейдон — раздела власти. А Зевс бы сломался. Он и так еле держался. Последние сто лет он приходил ко мне каждый вечер. Просто сидел у огня и молчал. А я молчала рядом. Это всё, что ему было нужно. Чтобы кто-то был рядом и не требовал ничего.

— Куда он ушёл?

— В мир людей. В маленький городок на берегу моря. Снимает комнату, ходит в магазин за хлебом, читает газеты по утрам. Иногда сидит на скамейке в порту и кормит чаек.

— В порту?

— Да. Там, где любишь сидеть ты. Он видел тебя, Марк. Несколько раз. Говорил: «Этот смертный выглядит так же устало, как я. Может, поэтому Арес его нанял тогда. Почувствовал родственную душу».

— И вы знаете адрес?

— Знаю. Но не скажу. Он имеет право на покой.

— А Гера?

— Гера переживёт. Она сильная. Она всегда была сильной. Просто забыла об этом. А теперь ей придётся вспомнить.

Огонь в камине стал тише, теплее.

— Вы хотите, чтобы я солгал?

— Я хочу, чтобы ты сказал правду. Но не всю. Скажи Гере: Зевс ушёл сам. Его не крали. Он жив и здоров. И не хочет возвращаться. А куда — неважно.

— А если она спросит, где он?

— Скажи, что не знаешь. Это будет правда. Ты правда не знаешь. Я тебе не сказала.

— Вы помогаете ему бежать?

— Я помогаю ему выжить. Это разные вещи.

Кот поднял голову, посмотрел на Гестию, потом на меня. Моргнул и снова уткнулся носом в лапы.

Глава 8. Тайна, которая убивает

Я вернулся к Гере с тремя версиями.

— Посейдон врёт. Не о том, где был. Он врёт о том, что ему всё равно. Он боится. Боится, что если Зевс не вернётся, власть достанется Аресу. Но больше всего он боится, что Зевс ушёл из-за него. Из-за его слов, что Зевс отстал от времени. Что его молнии больше никого не пугают.

Гера молчала.

— Арес не врёт. Он верит, что убил отца словами. И теперь не спит третьи сутки. Стоит в тренировочном зале и крушит стену голыми руками. Потому что не знает, куда ещё деть любовь, которую всю жизнь принимал за ненависть.

Гера закрыла глаза.

— Аид знает больше, чем говорит. Он видел портал. Он знает, что код подменили. И он знает, кто. Но не хочет обвинять без доказательств. И ещё — он скучает. Страшно скучает. Потому что Зевс был единственным, кто называл его братом.

— Гермес знает, где Зевс. Он научил его подменять код. Он видел, как Зевс уходит. И ничего не сделал. Потому что думал, что это игра. А теперь он не может спать. Сидит в библиотеке и смотрит в пустую страницу. Потому что не знает, как жить с тем, что он отпустил отца.

Гера побледнела.

— Что всё это значит, Марк?

— Это значит, что Зевс ушёл сам. Не украден. Не спрятан. Ушёл. Потому что устал. От власти. От бесконечности. От одиночества. И от вас.

Гера замерла. Мрамор на подлокотниках треснул сильнее.

— Гестия сказала?

— Да. И она знает, где он. Но не сказала мне. Сказала, что он имеет право на покой. И ещё: он видел меня в порту. Сидел на соседней скамейке. Кормил чаек. И молчал. Потому что ему больше нечего сказать миру.

Гера долго молчала. Слёзы текли по её щекам — настоящие, солёные, человеческие.

— Я три тысячи лет ждала, что он скажет мне: «Ты важна». Три тысячи лет я строила этот Пантеон, рожала детей, терпела измены — и всё ждала. А он так и не сказал. И теперь я понимаю: он не мог. Потому что сам не верил, что важен хоть кому-то. Мы оба были одиноки,

Марк. Страшно одиноки. Только я кричала об этом, а он молчал. И его молчание оказалось громче моего крика.

Она вытерла слёзы.

— Что вы будете делать?

— Ждать. Я умею ждать. Три тысячи лет ждала, пока он вернётся от любовниц. Подожду ещё. Но теперь я знаю: он не вернётся. И я не буду его искать. Потому что если он смог уйти, значит, ему там лучше. А я просто буду помнить. Как Аид. Как Посейдон. Как Гермес. Как Арес. Мы все теперь — боги, которые помнят.

Она махнула рукой, и двери распахнулись.

— Ступай, Марк. Деньги получишь у Каллирои. И не появляйся в Пантеоне ближайший месяц. Здесь будет тихо. Очень тихо. Без него.

Я вышел. Каллироя ждала в коридоре.

— Ну что?

— Зевс в бегах. Гера в ярости, но держится. Аид скучает. Посейдон молчит. Арес крушит стену. Гермес плачет. Гестия покрывает. И все они — страшно одиноки.

— И что теперь?

— Теперь — ипотеку закрывать. И кота кормить.

Кот фыркнул. Но в этот раз в его фыркание мне послышалось «правильно».

Глава 9. Встреча в порту

Через три дня я сидел на скамейке в порту. Кот грелся на солнце. Лена принесла пирожки с капустой и два стаканчика кофе.

— Ну как? — спросила она, садясь рядом.

— Закрыв ипотеку. Могу пригласить тебя в ресторан.

— А можешь просто сидеть здесь и не врать? — Она улыбнулась. — У тебя опять было какое-то странное дело, да?

Я промолчал.

Мимо прошёл пожилой мужчина. В старом плаще, с газетой под мышкой и бутылкой кефира в авоське. Седые волосы, усталые глаза, но спина прямая — как у человека, который когда-то держал небо.

Он остановился. Посмотрел на меня. На кота.

Кот открыл глаза, поднял голову. И медленно, очень медленно моргнул.

Мужчина кивнул — устало, благодарно. Потом перевёл взгляд на Лену, на пирожки, на море. Улыбнулся — впервые за долгое время, как мне показалось. И пошёл дальше, к дальней скамейке, где уже собрались чайки.

— Кто это? — спросила Лена.

— Не знаю, — ответил я. — Просто прохожий.

— Станный. У него глаза светятся. Чуть-чуть. Как молнии вдалеке.

Я посмотрел на мужчину. Он сидел на скамейке, крошил хлеб чайкам и улыбался. Впервые за три тысячи лет он был просто человеком. И впервые за три тысячи лет он был счастлив.

— Знаешь, Лена, — сказал я. — Иногда правда слишком тяжёлая, чтобы её носить. И тогда лучше, чтобы кто-то просто сидел рядом и молчал.

— Как твой кот?

— Как мой кот. Или как тот прохожий. Он тоже просто сидит и молчит. И ему этого достаточно.

Лена посмотрела на меня долгим взглядом — тем самым, от которого у меня всегда возникало ощущение, что она видит больше, чем говорит.

— Ты странный, Марк. Хороший, но странный. И я не буду спрашивать, чем ты занимаешься на самом деле. Но если тебе когда-нибудь понадобится помощь — просто скажи. Я умею печь пирожки и слушать. Иногда этого достаточно.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не спрашиваешь.

Мы сидели молча. Чайки орали. Волны плескались. Кот спал, свернувшись калачиком. А на дальней скамейке бывший царь богов кормил чаек и улыбался.

И это было правильно.

Эпилог. Открытка

Через месяц Гера прислала открытку. Без обратного адреса. На лицевой стороне — павлин. На обороте:

«Спасибо, что не сказал. Он жив. Этого достаточно. Я больше не жду. Я просто живу. Впервые за три тысячи лет. И знаешь, Марк, это страшно. Но я учусь. Медленно. Как смертная. Спасибо, что показал, как это — быть просто человеком».

И приписка внизу, другим почерком — размашистым, с сильным нажимом:

«Привет коту. Сметану не забываю. P.S. Он всё понимает. Просто молчит. Как и я. Теперь я тоже учусь молчать. И слушать. Чайки хорошие слушатели. Почти как твой кот. Спасибо, что не подошёл тогда в порту. Ты всё понял правильно. Мы оба всё поняли».

Лена, зашедшая вечером за солью, заметила открытку на холодильнике.

— Красивая. От кого?

— От старых друзей.

— У тебя странные друзья, Марк.

— Знаю.

Она не спросила, почему на открытке подпись «Г.» и «З.». Просто повесила её обратно, рядом с той, что пришла от Аида год назад.

А кот посмотрел на открытку, моргнул и пошёл к миске.

Жизнь продолжалась. И в ней было место и богам, которые учились быть людьми, и людям, которые учились молчать, и котам, которые всё понимали.

И это было правильно.

Конец второго дела.

Дело 3. Забытый бог

Пролог. Тень над преисподней

Меня разбудил холод.

Не утренний, сквозняковый — могильный. Такой, от которого вода в стакане на тумбочке покрылась тонкой корочкой льда, а на подоконнике выступил иней.

Аид сидел в кресле напротив кровати. В тёмном пальто, с лицом человека, не спавшего несколько суток. Кот лежал на подоконнике — даже ухом не повёл. Но я заметил: кончик хвоста подрагивал. Кот тоже чувствовал — что-то не так.

— У меня украли шлем, — сказал Аид. — Тот самый.

Я сел, растирая лицо ладонями. Часы показывали 03:47.

— Когда?

— Три дня назад.

— Три дня? — я потянулся к телефону. — И ты только сейчас пришёл?

— Я надеялся, что найдётся сам. Шлем — не просто артефакт. Он меня чувствует. Я его — тоже. Первый день я знал, где он. Второй — чувствовал смутно. Третий — ничего. Как отрезало.

Я включил ночник. В жёлтом свете Аид выглядел ещё хуже. Под глазами — глубокая синева, пальцы дрожат.

— А вчера кто-то проник в сокровищницу Посейдона. Трезубец лежал не на месте. Сегодня — тронули пояс Афродиты. Вор примеряется.

— Собирает комплект.

— Именно. Шлем, трезубец, пояс. Три артефакта. Если он получит всё — сможет стать невидимым, управлять морями и вселять в сердца любовь или ненависть.

— Кто? Кронос?

— Кронос в Тартаре. Я проверял лично. Дважды. Он спит.

— Тогда кто?

Аид посмотрел на меня долгим взглядом. Потом достал из кармана конверт и положил на тумбочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.